

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТОВ КЛЯТВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА В РУССКОМ И КАБАРДИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Научный руководитель – Кремшокалова Марина Чафленовна

Иванова Алина Альбердовна

Аспирант

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М.Бербекова, Институт истории, филологии и СМИ, Нальчик, Россия

E-mail: alina.ral27@mail.ru

Иванова А.А.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
г. Нальчик.

Ivanova A.A.

Kabardino-Balkar State University named after HM Berbekov,
Nalchik

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТОВ КЛЯТВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА В РУССКОМ И КАБАРДИНСКОМ ЯЗЫКАХ

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE TEXTS OF OATHS OF ARTISTIC DISCOURSE
IN RUSSIAN AND KABARDIAN LANGUAGES

Аннотация: Статья посвящена изучению жанра «клятва» художественного дискурса в русском и кабардинском языках. В данной работе выявляется, что клятвы художественного дискурса разных языков, становясь компонентами текста, утрачивают характеристики полнотекстового речевого жанра, однако способны их сохранить при описании присяги кому-либо или интертекстуальных проявлениях.

Abstract: The article is devoted to the study of the genre of "oath" of artistic discourse in the Russian and Kabardian languages. In this paper, it is revealed that the oaths of the artistic discourse of different languages, becoming components of the text, lose the characteristics of the full-text speech genre, but are able to preserve them when describing the oath to someone or intertextual manifestations.

Ключевые слова: *речевой жанр, клятва, художественный дискурс, русский язык, кабардинский язык.*

Key words: *speech genre, oath, artistic discourse, Russian language, Kabardian language.*

Речевые жанры - одна из наиболее **актуальных** рассматриваемых тем в современной дискурсивной лингвистике. **Новизна** работы состоит в том, что это первое комплексное исследование на пути к полному изучению жанра «клятва». **Материалами** исследования послужили тексты клятв, встречающиеся в художественных произведениях, выбранных с помощью НКРЯ и сборника кабардинских произведений. Используя существующие исследования по речевым жанрам, мы определили следующую **цель**: изучить жанр «клятва» в художественном дискурсе и выявить его специфические черты. Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

- 1) рассмотреть внутреннюю (содержательную) и внешнюю (локальную) связи клятв различных аспектов;
- 2) выделить обязательные составные элементы жанра «клятва», изучить его целостность, оформленность как представителя жанровой системы языка;
- 3) сопоставить тексты клятв в русском и кабардинском языках.

Методы исследования: методы дискурсивного, контекстуального анализа, трансформационный метод, метод сплошной выборки, сравнительно-сопоставительный метод, метод анализа и синтеза.

Художественный дискурс - это пласт, в котором представлены многие явления языка. Обладая особенностью отображать реалистичный языковой мир или воссоздавать исторические события с соответствующим этому времени лексиконом, художественный дискурс является сферой многих экспериментов.

Речевой жанр «клятвы», несомненно, представлен в этом дискурсе. **Художественные тексты русского языка**, содержащие обязательное составляющее клятвы - лексему «клянусь», делятся на перформативы и клятвы.

Из исследованных художественных текстов с данной лексемой в НКРЯ перформативами являются следующие:

- 1) «Ты врешь или как? [U+2015] Клянусь, такой красоты не видел! Евдокия Андреевна с изумлением осмотрела себя [U+2015] и горько заплакала» [НКРЯ];
- 2) «Я завтракал, [U+2015] ответил Лосик, [U+2015] клянусь. Что мы собой представляем? [U+2015] думал Малиновский. [U+2015] Кто мы такие?» [НКРЯ];
- 3) «Как путешествие на Марс. Клянусь, до последней минуты не верил. Знал и не верил» [НКРЯ];
- 4) «Я предам всех вас вечности. Клянусь, я это сделаю. Мне только надо найти подходящий материал» [НКРЯ];
«Клянусь, ты будешь владеть конём; только за него ты должен отдать мне сестру Бэлу: Карагёз будет тебе калымом» [НКРЯ];
- 5) «А знаете, Бахман, я тоже об этом думал, ей-богу, клянусь вам, [U+2015] возбужденно шептал Скрипицын» [НКРЯ];
- 6) «Я плакал не один день, клянусь тебе, и надо мною все смеялись» [НКРЯ];
- 7) «Пусть он только пройдет в генеральный штаб, и [U+2015] клянусь [U+2015] я ему сделаю блестящую карьеру» [НКРЯ];
- 8) «Дорогая моя, вы меня не поняли, клянусь вам, [U+2015] растерянно
- 9) «Клянусь вам, [U+2015] продолжал он полушепотом, уж на лестнице, [U+2015] что давеча нас, меня и доктора, чуть не прибил! [НКРЯ]
- 10) «[U+2015] Это была шутка, [U+2015] сказала она наконец: [U+2015] клянусь вам!» [НКРЯ].

В приведенных примерах выявляется, что перформативы могут выполнять различные функции:

- 1) Подтверждение или отрицание действия: «Я завтракал,- ответил Лосик,- клянусь», «мессир, клянусь, я делал героические попытки спасти всё, что было можно, и вот всё, что удалось отстоять», «клянусь» (с установкой на прошлое), «другого выхода нет, клянусь вам», «я тебе клянусь, я ничего не делал», «но меня ваше письмо не застало дома, клянусь вам» [НКРЯ].
- 2) Подтверждение правдивости действия или слов: «клянусь вам, я на паршивую собаку смотрел бы добрее, чем она смотрит на меня!», «обещаю и клянусь», «я охотно отдала бы за вас Аню, клянусь вам», «клянусь вам», «коль худо, клянусь, я вас сам сюда приведу, а хорошо, так и ложитесь спать», «это была шутка, [U+2015] сказала она наконец: [U+2015] клянусь вам!» [НКРЯ].
- 3) Нарастание экспрессивности: «клянусь, до последней минуты не верил», «клянусь, такой красоты не видел!», «ничего подобного со мной не бывало, клянусь вам!», «дорогая, вы меня не поняли, клянусь вам», «клянусь вам, никто не поймет вас так, как я пойму», «нет, князь, [U+2015] перебивает Марья Александровна, [U+2015] клянусь, вы погубите себя такой жизнью!» [НКРЯ].

В перформативах данных типов усматриваются определенные средства, которые подчеркивают имеющуюся функцию или усиливают её. Например:

1) наличие определенных лексем: «такой» («клянусь, *такой* красоты не видел!»), вводного сочетания «ей богу» («а знаете, Бахман, я тоже об этом думал, *ей-богу*, клянусь вам, [U+2015] возбужденно шептал Скрипицын») [НКРЯ];

2) знаки препинания как показатели экспрессии:

а) восклицательный знак- «клянусь, такой красоты не видел!», «клянусь! Всегда любил упрямых», «ничего подобного со мной не бывало, клянусь вам!», «я вам клянусь!», «я жду тебя! [U+2015] клянусь вам, я бы в три месяца убежал, паспорта бы подделал [U+2015] не подкопаешься!», «клянусь вам, я на паршивую собаку смотрел бы добрее, чем она смотрит на меня!», «обещаю и клянусь!», и др. [НКРЯ];

б) многоточие - «в глазах его, клянусь, блестели слёзы», [U+2015] Клянусь... Клянись и ты!» и т.п. [НКРЯ];

3) повторы: «Как путешествие на Марс. Клянусь, до последней минуты *не верил*. Знал *и не верил*», «Решайтесь же! Другого выхода *нет*, клянусь вам. *Нет и нет*», [НКРЯ];

4) большое значение в определении функции имеет и контекст: «Ладно, клянусь. Конечно, мне будет труднее, чем Наташе Ростовой на её первом балу!» [НКРЯ].

Элементы ритуала обнаруживаются в следующих примерах: «Не пишите больше! [U+2015] попросил пришедший умоляюще. [U+2015] Обещаю и клянусь! [U+2015] торжественно произнёс Иван. Клятву скрепили рукопожатием, и тут из коридора донеслись мягкие шаги и голоса»; «Клянись [U+2015] ниже под пыткой, ниже при смертном часе никому не поведаешь тайны сей, как токмо государю, [U+2015] возвысил старец голос, и глаза его засверкали. [U+2015] Клянись! [U+2015] Клянусь! [U+2015] Стань на колени... Клянись пред святым евангелием и крестом господним...»; «Токмо клянись, чадо Остафий, тайны сей никому не открывать, окромя государя...» [U+2015] Клянусь! [U+2015] ответил тогда протопопу Долгополов и, в знак верности, облобызал святой крест с евангелием» [НКРЯ].

По схеме речевых жанров Т. В. Шмелёвой можно выявить некоторые соответствия. Например, в предложениях: «Поклянись! - Ладно, клянусь. Конечно мне будет труднее, чем Наташе Ростовой на её первом балу!», «Поклянись, что ты его исполнишь...» [U+2015] Клянусь... Клянись и ты!» [НКРЯ] - явно сразу выделяются факторы коммуникативного прошлого и будущего. Перформатив «клянусь» напрямую связан с лексемой «поклянись», которая является условием осуществления данного процесса, - это явление можно рассматривать как фактор коммуникативного прошлого, так как связан со сказанным в речевой цепи. Действия, которые последовали за перформативом «клянусь», т.е. выражение негодования в первом случае и требование взаимной клятвы во втором, можно рассматривать как факторы коммуникативного будущего, потому что вытекают из сказанного в речевой цепи.

Примечательно, что в исследуемых *клятвах кабардинского языка* лексема «клянусь» не встречается, соответственно, перформативы в данном случае также отсутствуют.

В *художественном дискурсе русского языка* представлены и канонизированные клятвы. Некоторые из них имеют интенции, например: «Ну *хлебом* клянусь! [U+2015] громко бубнил набитым ртом, а сам будто оглох», «клянусь тебе *честью!* *Честью своей и твоей* клянусь», «а я его, *богом* клянусь, люблю и считаю знаменитым русским поэтом, и, если хочешь знать, он меня тоже любит, только не хочет признаться там у себя, в Водопьяном переулке, стесняется своих футуристов, лефов или как их там [U+2015] комфутов, пропади они пропадом», «клянусь, *чем хочешь*. . . *всем дорожим*». «клянусь, думаю, моим

покойным братом, я же только что видела за этим же столом, на этом же месте этот бессовестный рыжий затылок!». Другие же из канонизированных клятв интенций не имеют, но лексема «клянусь» в них семантически неполная, и поэтому она, лишившись звания перформатива, переходит в клятву: «перед пролетарским судом можно только признаваться, разоружаться и просить пощады: "Клянусь, что если государство сочтёт возможным сохранить мне жизнь, то я...".», «это было совершенно невероятно, но я клянусь, что говорю чистую правду» [НКРЯ].

В *кабардинском же языке* лексема «клянусь» выражена по-разному: эксплицитно и имплицитно. Первое явление наблюдается при таких выражениях, как «тхэ́лганэ сц́лащ» (даю клятву, клянусь) и «тхэ́ со́луэ» (клянусь богом), когда лексема «клянусь» реализуется в текстах:

- «Ит́ланэ, щ́лошщым сепл́урэ тхэ́лганэ сц́лащ:

- Уашх́уэ мыващх́уэ ќланэ, игъащ́эќлэ сэ псэушх́э зэран срихуэмых́ун! - жыс́лэри» (Потом, глядя на кнут, я поклялся:

- Голубое небо глыба голубого камня, никогда в жизни я не наврежу ни одному живому существу) [10:21];

- «Тхэ́ со́луэ ди ќуажэ ќыдэмыќла апхуэдэ щ́лалэ» (Клянусь богом, в нашем селе нет такого парня) [10:278].

В другом же случае отсутствует лексема «клянусь», формально она никак не выражена, но имплицитно подразумевается. При этом обязательно сохраняется интенция. Очень много клятв, в которых встречается слово «уэлэхьи». Данная лексема была заимствована из арабского языка и означает «и Аллах», но по смысловому значению трактуется «с Аллахом». Тот, кто произносит это выражение, добавляет к своим словам имя Аллаха, тем самым превращая их в клятву. Мы можем предположить, что в арабском, и в кабардинском языках «уэлэхьи» и варианты его употребления «уэлэги», «уэлыги», «уэлыхи», «уэлэхья», «уэлэхьэ» означают «клянусь именем Аллаха» или «клянусь Аллахом». Та же самая ситуация и со словами «Алыхь» (Аллах) и «тхэ́» (бог). В таком случае перед нами канонизированные клятвы с интенцией:

1) «Уэлэхья, щ́аит́ и уасэ аќылыр ар аќыл мых́ун!» (Клянусь Аллахом, ум, который стоит пятьдесят копеек, - это не ум) [10:88];

2) «Уэлэхьи, ари аќылым, мэ уи щ́аит́ыр, х́элэл пхух́у» (Клянусь Аллахом, это тоже ум, на тебе твои пятьдесят копеек, на здоровье) [10:88];

3) «Уэлэхьи, ар нэх́ыф́ыжым» (Клянусь Аллахом, это ещё лучше» [10:88];

4) «Уэлэхьэ, щ́лалэф́, ќэпщ́амэ, мыр ди мы́лэрысэм щ́ыщ́, ж́ым ќышиудурэ псым х́эуащ́» (Клянусь Аллахом, хороший парень, ты узнал, это из наших яблок, ветром их сбило и они упали в воду) [10:149];

5) «Алыхь, си нысэ заќуэ мыѓуэр нобэ-ныжэбэм» (Клянусь Аллахом, моя единственная бедная невестка сегодня-завтра сляжет) [10:222];

6) «Алыхь-алыхь! Сыту гуѓут, ярэби. Зерэт, а Зерэт! Алыхь, сыбѓэгуѓузэвэщ́ащи соджэ, амых́умэ, мыри ѓуэгуанэ тетым» (Аллах-Аллах! Как трудно было. Зерат, а Зерат! Клянусь Аллахом, ты меня запугала, поэтому и кричу, не то и он в дороге) [10:222];

7) « - Фызѓэќлуэнќым, тхэ́, зыщ́ып́лэ фынемыблэѓауэ! - ќып́зуващ́ абыхэм Данизэт» (- Не пуцу вас никуда, богом клянусь, пока вы не зайдёте! - встала перед ними Данизат) [10:259];

8) «Алыхь, х́ээѓэжатэмэ, мы ќуажэ школыр ќиухри армэми ќуауэ щ́ы́лэмэ» (Клянусь Аллахом, он бы успокоился уже, если бы окончил сельскую школу и в армию пошёл бы) [10:259].

В русском языке существует множество клятв с различными объектами, которыми автор клянется. Это могут быть *религиозные объекты*:

- «Никанор Иванович перевёл дух и тихо заговорил: [U+2015] *Богом* клянусь, что... Но не успел он выговорить эти слова, как весь зал разразился криками негодования» [НКРЯ];

- «клянусь, думаю, *моим покойным братом*, я же только что видела за этим же столом, на этом же месте этот бессовестный рыжий затылок!» [НКРЯ];

- «Клянусь вам *гробом моей матери*, я до сих пор не знаю, кто были эти люди!» [НКРЯ];

- «И буду, клянусь *прахом отца*, [U+2015] ответил Коля» [НКРЯ].

Объектами клятвы могут выступать *члены семьи, собственная жизнь, счастье, еда, честь* и пр.:

- «Значит, не убивал? - Да *мамой* клянусь! - Ладно, Гриша, - вздохнул Антон» [НКРЯ];

- «Признайся, если больше, [U+2015] говорит лейтенант, [U+2015] а то потом хуже будет. [U+2015] Клянусь *дядей*, четыре, [U+2015] говорит тракторист. [U+2015] Другие убежали, [U+2015] добавляет мальчик» [НКРЯ];

- «Ну *хлебом* клянусь! [U+2015] громко бубнил набитым ртом, а сам будто оглох» [НКРЯ];

- «Клянусь *хлебом-солью моего отца*, [U+2015] торжественно сказал дядя Сандро, [U+2015] а хлеб-соль моего отца, как вы знаете, чего-то стоит...» [НКРЯ];

- «*Честью* вам клянусь, не понимаю теперь, не понимаю решительно, как я эту пытку выдержал» [НКРЯ];

- «*Счастьем* моим клянусь! Вот тебе моя рука, назови меня тогда дрянным, бесчестным человеком, если я допущу до аукциона!» [НКРЯ];

- «Клянусь, ваше величество, *на боевом оружии своем!*» [НКРЯ].

Объекты, которые содержат *мотивы античности и элементы язычества*:

- «Очень хорошая мысль, [U+2015] одобрил прокуратор, [U+2015] послезавтра я её отпущу и сам уеду, и [U+2015] клянусь вам *пиром двенадцати богов, ларами* клянусь [U+2015] я отдал бы многое, чтобы сделать это сегодня» [НКРЯ].

Нередко автор дает клятву перед *явлениями природы*:

- «Клянусь перед вами, *горы!* Клянусь перед тобою, *солнце*: я освобожу Николая!..» [НКРЯ];

- «Они не будут счастливы... клянусь *этим небом*, клянусь душой моей, всё, что имеет ядовитого женская хитрость, будет употреблено, чтоб разрушить их благополучие...» [НКРЯ].

Во всех исследованных кабардинских клятвах объектом выступает бог, Аллах, поэтому они все содержат религиозные мотивы: «Алыхь-алыхь! Сыту гугьут, ярэби. Зерэт, а Зерэт! Алыхь, сыбгъэгузэвэщаци соджэ, амыхъумэ, мыри гъуэгуанэ тетым» (Аллах-Аллах! Как трудно было. Зерат, а Зерат! Клянусь Аллахом, ты меня запугала, поэтому и кричу, не то и он в дороге) [10:222]. Возможно, это объясняется тем, что русский язык имеет больше инструментариев и богатый словарный запас, нежели кабардинский язык, либо же меньшим количеством художественных произведений на последнем языке.

Средствами экспрессивности клятв выступают:

1) нарушение порядка слов: «клянусь, ваше величество, на боевом оружии своём»; «Богом тебе клянусь» [НКРЯ] и др.

2) знаки препинания:

- восклицательный знак - «Ну хлебом клянусь», «клянусь вам честью!» [НКРЯ] и др., «Уэлэхь, щайт1 и уасэ акъылыр ар акъыл мыхъун!» (Клянусь Аллахом, ум, который стоит пятьдесят копеек, - это не ум!) [10:88];

- многоточие: «клянусь, чем хочешь... всем дорогим» [НКРЯ] и др.;

3) повторы: «*клянусь* вам пиром двенадцати богов, ларами *клянусь...*», «да я тебе клянусь, я ничего не делал», «*клянусь* этим небом, *клянусь* душой моей» [НКРЯ] и др., «Алыхь-алыхь! Сыту гугьут, ярэби. Зерэт, а Зерэт! Алыхь, сыбгъэгузэвэщаци соджэ, амыхъумэ, мыри гъуэгуанэ тетым» (Аллах-Аллах! Как трудно было. Зерат, а Зерат! Клянусь

Аллахом, ты меня запугала, поэтому и кричу, не то и он в дороге) [10:222];

Говоря об особенностях художественного дискурса, надо упомянуть и тот факт, что разнообразие художественного мира дает возможность по-разному трансформировать тексты. Именно поэтому в этом дискурсе можно найти полноценные канонизированные клятвы, обладающие всеми формальными и семантическими особенностями: «Я, казак войска государева, обещаюсь и клянусь всемогущим богом, пред святым его евангелием, в том, что хочу и должен всепресветлейшему, державнейшему, великому государю императору Петру Федорычу служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего, до последней капли крови, в чем да поможет мне господь бог всемогущий» [НКРЯ]. Такие клятвы встречались в русском языке.

В кабардинском же мы имеем дело с клятвами, утратившими некоторые жанровые особенности. Например: «Уэлэхъэ, щлалэф1, къэщ1амэ, мыр ди мы1эрысэм щыщц, жьым къышиудурэ псым хэхуащ» (Клянусь Аллахом, хороший парень, ты узнал, это из наших яблок, ветром их сбило и они упали в воду) [10:149]. Коммуникативная цель - не возложение каких-то обязательств, а скорее похвала адресата. Концепция автора не до конца понятна, потому что автор не берет на себя какие-либо полномочия и не приобретает права. Событийного содержания нет, потому что клятва не приурочивается к какому-либо празднику, она просто спровоцирована речевой цепочкой. Но имеют место факторы коммуникативного прошлого и будущего.

Таким образом, клятвы художественного дискурса кабардинского и русского языка, становясь компонентами текста, утрачивают характеристики полнотекстового речевого жанра, однако в русском языке способны их сохранить при описании присяги кому-либо или интертекстуальных проявлениях.

Источники и литература

- 1) Библиография 1. Архипов И. К. Язык и языковая личность: учеб.пособие. – СПб.: Книжный дом, 2008. 2. Арутюнова Н. Д. Перформатив //Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. 3. Бенвенист Э. О субъективности в языке // Общая лингвистика. – М., 1974; Теория речевых актов// НЗЛ. – Вып. 17. – М., 1986. 4. Воркачев С.Г. Безразличие как этносемантическая характеристика личности: опыт сопоставительной паремиологии // ВЯ. 1997. № 4. С.115-124 5. Дементьев В. В. Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи// Вопросы языкознания. 2015. №6. С. 78-107. 6. Дискурс-анализ. Теория и метод, Йоргенсен М., Филлипс, Л., 2008 7. Кремшокалова М.Ч. Благопожелания и проклятия как малые жанры устной речи. – Нальчик: Изд. М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2013. 8. Национальный корпус русского языка – [Электронный ресурс] – <http://ruscorpora.ru/search-spoken.html> (дата обращения: 4. 10. 2020). 9. Основы теории дискурса, Макаров, М. Л., 2003. 10. Стихи, рассказы, сказки. Пособие для внеклассного чтения на кабардино-черкесском языке. Составитель – Эржибов А.К., редактор – Бейтуганов С.Н.//Нарт тхылъ тедзап1э, 1992. Bibliografija 1. Arhipov I. K. Jazyk i jazykovaja lichnost': ucheb.posobie. – SPb.: Knizhnyj dom, 2008. 2. Arutjunova N. D. Performativ //Lingvisticheski jenciklopedicheski slovar'. – M., 1990. 3. Benvenist Je. O sub#ektivnosti v jazyke // Obshhaja lingvistika. – M., 1974; Teorija rechevyh aktov// NZL. – Vyp. 17. – M., 1986. 4. Vorkachev S.G. Bezrazlichie kak jetnosemanticheskaja harakteristika lichnosti: opyt sopostavitel'noj paremiologii // VJa. 1997. № 4. S.115-124 5. Dement'ev V. V. Teorija rechevyh zhanrov i aktual'nye processy sovremennoj rechi// Voprosy jazykoznanija. 2015. №6. S. 78-107. 6. Diskurs-analiz. Teorija i metod, Jorgensen

M., Phillips, L., 2008. 7. Kremshokalova M.Ch. Blagopozhelanija i prokljatija kak malye zhanry ustnoj rechi. – Nal'chik: Izd. M. i V. Kotljarovyh (ООО «Poligrafservis i T»), 2013. 8. Nacionalniy corpus russkogo yazika – [Elektronniy resurs] – <http://ruscorpora.ru/search-spoken.html> (data obracheniya: 4. 10. 2020). 9. Osnovy teorii diskursa, Makarov, M. L., 2003. 10. Stihi, rasskazy, skazki. Posobie dlya vneklassnogo chteniya na kabardino-cherkesskom yazyke. Sostavitel' – Erzhibov A.K., redaktor – Bejtuganov S.N.//Nart thyl" tedzaple, 1992.